

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

1469983

ВОЛОГДА
2015

25. Народное слово в произведениях В. И. Белова. Словарь / сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 214 с.
26. Русская провинция: миф – текст – реальность. – М., СПб., 2000. – 491 с.
27. С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. – М., 1991. – 240 с.
28. Северный и сибирский тексты русской литературы как сверткостексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова. 2014. – 384 с.
29. Селезнев Ю. Василий Белов. – М., 1983.
30. Словарь вологодских говоров. Вып. 10. – Вологда, 2005. – 182 с.
31. Солженицын А. Василий Белов // А. Солженицын // Новый мир. – 2003, № 12. – С. 54-169.
32. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. – М., 1990. – 247 с.
33. Топоров В. Н. «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) / В. Н. Топоров. – Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 259 – 367. См. отдельное издание: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 617 с.
34. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // В. И. Тюпа / Сибирский филологический журнал. – 2002. – №1. – С. 27-35.

О.Н. Гусева
Вологда

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Деревенская проза как яркое явление в истории русской литературы представлена рядом самых разнообразных творческих индивидуальностей: В. В. Овечкин, Ф. А. Абрамов, С. П. Залыгин, А. Я. Яшин, Е. Я. Дорош, Б. А. Можаяев, В. Г. Распутин, В. П. Астафьев и др.

Но одним из самых значительных авторов, в творчестве которых наиболее полно и отчетливо репрезентирована концепция данного литературного направления, можно по праву назвать В. И. Белова.

Среди неоспоримых достоинств творчества этого писателя стоит отметить особый, (амбивалентный) тип мировосприятия, воплотившийся в его художественных текстах. С одной стороны, будучи выходцем из крестьянской среды русского Севера, В. И. Белов хорошо знал и понимал народную культуру, ее сущность, с другой же стороны, образованность и начитанность автора, приобщение к городской культуре позволили ему взглянуть на мир русской деревни со стороны, охватить его наиболее полно. Всё это нашло отражение не только в области структуры и поэтики его произведений, но и на языковом уровне организации текстов.

Как отмечает В. А. Оботуров, «<...> крестьянский сын Белов, который сам вырос в деревне и немало поработал на равных со своими земляками,

по естественной логике народной жизни поднявшись к высотам культуры, не утратил органичных духовных связей со своей родовой средой. Он лишь глубже понял мироощущение современной деревни, отразившееся, в частности, в стихии народного языка. Мету использования этой стихии определили живая речевая среда, непосредственность общения с ней, а также природный вкус писателя и опыт мастеров-классиков» [3, с. 158].

Иными словами, в творчестве В.И. Белова органично сочетаются два взгляда на деревенскую культуру: взгляд *«извне»* и взгляд *«изнутри»*, которые непосредственным образом отражаются на языке его произведений.

Поскольку языковой уровень организации художественного текста строится из двух взаимосвязанных пластов (речи автора и речи персонажей), возникает закономерный вопрос об их взаимоотношении. Как отмечает сам Василий Белов, «существует некая тонкая, неуловимо зыбкая и имеющая право на существование линия соприкосновения авторского языка и языка изображаемого персонажа. Грубое, очень конкретное разделение этих двух категорий так же неприятно, как и полное их слияние» [1, с. 98].

Тем не менее, можно отметить, на наш взгляд, некую тенденцию: речь повествователя в определенной мере отражает позицию автора *«извне»* по отношению к народной культуре, в то время как речь персонажей – позицию *«изнутри»*.

При этом необходимо сказать, что приобщение В. И. Белова к миру русской деревни происходило в особой (диалектной) среде, что повлияло и на специфику речи его героев, в частности, не только в сфере лексики как наиболее выразительного языкового яруса, но и в области синтаксиса.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать локальные синтаксические особенности, нашедшие отражение в речи персонажей знаменитой повести В. И. Белова *«Привычное дело»* (1966).

Как уже было сказано, на языковой ярус художественных текстов В. И. Белова оказала влияние вологодская лингвистическая микросистема, которая имеет определенную специфику, в том числе и на синтаксическом уровне.

Эту специфику составляют следующие диалектные черты:

– употребление в предикативной функции имени существительного в творительном падеже, отсутствие связки при котором выступает как показатель настоящего времени [9]: *А Костя уже который год трактористом в колхозе;*

– использование именительного падежа существительного на *-а* в значении прямого объекта при независимом или зависимом инфинитиве переходного глагола [4, 9]: *копать картошка;*

– употребление родительного падежа существительного в функции обстоятельства [9]: *Аня того же лета и уехала в Ярославль;* употребление винительного цели с предлогом *по* [4, 9, 12]: *пошел по бабушку;*

– использование безличных конструкций с кратким страдательным причастием от непереходного (как невозвратного, так и возвратного) глагола [4, 5, 8]: *у него в город уехано;*

– безличная конструкция, главный член которой выражается личной формой бытийного глагола, сочетающейся с родительным субъекта [4, 8]: *есть в лесу грибов, есть сена*;

– наличие несогласованных пассивных конструкций с объектом в форме именительного, родительного партитивного или винительного падежа и причастием в форме среднего рода [5]: *вода (воды, воду) поставлено*;

– объектно-пространственные конструкции с двойными предлогами, указывающими одновременно и место, и направление действия (формы творительного или винительного падежа существительных с предлогами *по-за, по-под, по-над*, реже с предлогами *по-на, по-перед, под-на, под-за, за-по, до-за*) [4, 8, 9, 12];

– употребление слова *есть*, входящего в состав сказуемого и лишённого какого-либо вещественного значения [8]: *У его глаза немного покосило есь*;

– использование постпозитивных частиц *-от, -та, -ту, -то, -те, -ти* [4, 5, 8, 12]: *лес-от, изба-та, печь-та*;

– активизация частицы *а* как компонента, вводящего простое предложение (при этом присоединительное значение ослаблено) [4, 8]: *А Васька опеть в магазин пошёл*;

– использование коррелятивной частицы *так-дак (дык, дьк)* как одного из элементов структуры предложения [4, 7, 8, 12];

– повторение союза *да* при однородных членах предложения, в том числе и после последнего из них [4, 7, 9, 12]: *дров наносили, да сучья да*.

Все эти явления в той или иной мере нашли отражение и в языке повести В. И. Белова «Привычное дело», причем особенно ярко локальные синтаксические особенности Вологодской группы говоров проявились в речи персонажей старшего возраста (Евстолю, Степановны, Курова, Ерёмихи, Федора).

Необходимо отметить, что диалектная специфика в исследуемом тексте реализуется и на уровне словосочетания, и на уровне предложения.

Так, для семантико-структурной организации словосочетания характерна реализация объектно-обстоятельственных отношений со значением цели посредством структурной модели «глагол + предлог *по* + существительное в винительном падеже»: «*Не тебе бы, сухорукой, ходить по воду* (~ ходить за водой)»; «*Насчет кошки не знаю, а кот живехонек. Вон по мышей пошел* (~ за мышами)».

Также в области словосочетания отмечается употребление двойного предлога *по-за*, который контексте речи «выражает временно-объектные отношения и имеет значение «следования за кем-либо, чем-либо – значение, присущее предлогу *за*» [2, с. 320]: «*Ну вот, опять, глядишь, родить надо-тко, один по-за одному...*». Тем не менее, можно выделить синтаксические единицы, в рамках которых данный предлог актуализирует семантику лишь второй части (*за*): «*Павел запряг первый свою кобылу, на дорогу выехал, срядились и другие по-за нему*». При этом подобные двойные предлоги (в отличие от литературного аналога *за*) сочетаются с формой дательного падежа субстантива, а не творительного.

В то же время в рамках беспредложного словосочетания зафиксирован случай глагольного управления, одним из структурных компонентов которого является существительное в форме родительного падежа, выполняющее функцию, не являющуюся для него характерной (функцию обстоятельства): *«Вот слезы-ти и пришли того же дни»* (дни – старая форма родительного падежа существительных с основой на * i).

Стоит сказать, что в речи персонажей старшего поколения исследуемого художественного текста реализация региональной специфики в сфере словосочетания встречается редко (нами было зафиксировано пять примеров употреблений, отражающих диалектные явления в данной области). Таким образом, большинство непредикативных синтаксических единиц (как предложных, так и беспредложных), отмеченных в повести, соответствует литературной норме, однако использование упомянутых конструкций, имеющих локальную специфику, делает речь персонажей более точной и выразительной.

Организацию более крупных синтаксических единиц (как моно-, так и полипредикативных) характеризует употребление безличных предложений, главный член которых выражен страдательным причастием: *«Парня-то когда принесла, дак велено было на работу-то пока не ходить; «Все прясла переломаны»; «Куда возить-то, и бочка разохлась, и колоды истоплены».*

Можно предположить, что использование такого рода конструкций в некоторой мере связано и с сюжетом повести. Так, после смерти Катерины Евстоля, думая, что Иван Африканович собирается совершить самоубийство, произносит фразу: *«Иди, – говорю, – домой, чтобы и разговору не было, чтобы сейчас же домой хожено».* Одна из частей этой реплики в структурном отношении представляет собой безличное предложение; специфическим признаком таких единиц «является то, что главный член их не вызывает представления об отнесении действия или признака, о которых утверждается в предложении, к предмету как его производителю или носителю» [12, с.136]. В данном случае функцию главного члена предложения выполняет словоформа *«хожено»*, которая имеет значение ‘о хождении (преимущественно многократном, долговременном)’ [11, с.613]. Иными словами, действие, обозначенное отглагольным адъективом, может и относиться к Дрынову как совет отправиться домой, и постулироваться как нечто, часто совершаемое другими людьми. Стоит отметить, что при такой семантической нагрузке сказуемое приобретает иной смысл: *«домой хожено»* – поступить, как обычно поступают (или должны поступать) все. Помимо этого, наречие *«домой»*, в определенной мере соотносимое по семантике с *«домом»* (одной из основополагающих категорий бытия деревенской прозы), позволяет оценивать значение конструкции *«домой хожено»* как символическое выражение возврата к гармоническому существованию. В таком случае слова Евстоля можно воспринять не только как совет не совершать самоубийства, но и как своеобразный наказ, суть которого в том, что нужно жить, невзирая подчас на трудности, и это тоже своего рода

«привычное дело». Но Иван Африканович в полной мере осознает это лишь в последних главах повести: «И он размышляет, зачем именно он, — Иван Африканович, родился на свет. И приходит к осознанию первоценности жизни, которая сама есть прекрасная, мудрая, наивысшая ценность, приходит к пониманию того, что он как личность всего лишь мгновение в этом вечном движении жизни, «и нет конца этому круговороту» [10, с. 51].

Другая особенность синтаксического рисунка речи Евстолии, Степановны, Курова, Ерёмыхи, Федора заключается в употреблении постпозитивных энклитических частиц в различных вариациях (*-то, -от, -те*), которые в рамках предложения или диалогического единства актуализируют следующие функции.

1) Указание на адресата, к которому обращено сообщение: «*А ты-то, Михайло, все в холостяках?*».

2) Акцентирование признака предмета, о котором идет речь в предложении: «*Ехала бы в больницу в районную-то*»; «*В большой-то деревне, в болотном краю жили невеселые мужики*».

3) Актуализация различных семантических оттенков предложения (например, оттенка причины: «*Я только на печь забралась, думаю, Нюшка стучает, ворота-то мы запираем редко*» (ср. ~ потому что ворота мы запираем редко).

4) Частица *-то* поясняет предшествующее существительное или различные субстантивированные части речи [12]: «*От старшей-то, Таньки-то, ходят письма?*».

Стоит отметить, что частицы *-то, -от, -те* могут прикрепляться к различным частям речи: к существительным («*Саша Пятак в кузнице кранты-ти припаяет*», «*Не боишься, что в сельсовет-от вызовут?*» (Куров), «*А он это на лужок-от рядом-то со мной отпустился да ноги-ти мои обхватил, вот плачет*»), к прилагательным («*Старый-то хозяин вздумал в прошлом году водопровод провести коровам*» (Федор), к местоимениям («*Ну-ко этой-то баушке покажись*»), к глаголам («*А я, матушка, уж давно к вам собираюсь-то*»), к наречиям («*Значит, спервоначалу-то хорошо качали*»).

Кроме того, речь персонажей повести «Привычное дело» характеризуется и использованием распространенной севернорусской частицы *дак*, которая соотносится с некоторыми союзами либо союзными аналогами (по классификации «Русской грамматики» 1980 г. [6]) и вносит определенные оттенки значения:

«*Две коровы должны вот-вот отелиться, дак убежала еще с вечера*» (оттенок следствия: ср. ~ поэтому убежала еще с вечера);

«*Батюшко, ведь учиться не будешь, дак всю жизнь так зря и проживешь*» (усиление общей эмоциональности и категоричности).

Также рассматриваемая частица может членить предложение на две части, первая из которых определяет предмет высказывания, а вторая — раскрывает дополнительные сведения о нем [12]: «*Только у меня вот зимой был тоже газетник, дак тот был пообходительнее*» (первая часть — сообщение о приходе сотрудника газеты, вторая — его характеристика).

Необходимо напомнить, что зафиксированные нами региональные синтаксические явления в большинстве своем встречаются в речи персонажей старшего поколения, сохранивших связь с народной культурой, ее истоками, что отразилось и на их языке. В то же время более молодые герои, приближенные к урбанистической культуре (Митька, районный начальник), более редко используют конструкции, обладающие диалектной спецификой. Тем не менее, можно привести следующие примеры: «*Пробудится, дак развяжем*» (ср. ~ тогда развяжем) – использование частицы *дак*; «*А чего ж ты свез-то?*» (употребление постпозитивной частицы); но подобных случаев относительно немного.

Иными словами, речь персонажей, в определенной мере относящихся к городу и ко всему, что с ним связано, в большинстве случаев соответствует литературной норме.

Таким образом, в рамках исследуемого текста сосуществуют две формы речевой культуры: собственно народная (деревенская), представленная в повести Евстолей, Степановной, Куровым, Ерёмихой, Федором, и городская культура, которую отражает речь Митьки и районного начальника. Основанием для дифференциации этих форм является степень реализации в речи персонажей локальных лингвистических особенностей, проявляющихся на разных языковых ярусах, в том числе и на синтаксическом уровне. Для представителей городской среды не является характерным закономерно повторяющееся использование конструкций, имеющих яркую региональную специфику.

В то же время речь персонажей старшего поколения изобилует подобными явлениями. Стоит сказать, что региональные синтаксические особенности проявляются не в равной мере в рамках различных синтаксических единиц. Так, предложение как предикативная конструкция, на наш взгляд, имеет гораздо больше локальных особенностей, характерных для Вологодской группы говоров, нежели словосочетание.

Тем не менее повесть В. И. Белова не только является ярчайшим образцом деревенской прозы 1950-1980-х гг., но и достоверно передает атмосферу народной культуры с помощью различных лингвистических средств, в том числе и синтаксических.

Литература

1. Белов В. И. Литература и язык: Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы» // Вопросы литературы. – 1967. – № 6.
2. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1964. – Т. XXIII. – Вып. 4. – С. 317-330.
3. Оботуров В. А. Самим собою оставаясь // Наш современник. – 1979. – № 10. – С. 158-166.
4. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. – М., 1970. – 456 с.

5. Пожарищкая, С. К. Русская диалектология. – М., 2005. – 256 с.
6. Русская грамматика: в 2-х томах. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – Том II. – М., 1980. – 710 с.
7. Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М., 2005. – 283 с.
8. Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. – М., 1990. – 207 с.
9. Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. – М., 1972. – 304 с.
10. Селезнев Ю. И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. – М., 1983. – 144 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований. – М., 1999. – Т. 4. С–Я.
12. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Стросние предложения. – Москва, 1953. – 317 с.

А.В. Петров
Архангельск

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

Поэзия Ольги Александровны Фокиной (1937 г. р.) широко известна в России, высоко оценена критиками, отмечена рядом престижных литературных премий, поэтесса награждена орденами и медалями, является лауреатом Государственной премии России. Однако главная ее награда – это искренняя бескорыстная любовь народа, безоговорочное признание читателей ее самобытного и уникального таланта, ведь основополагающими для творчества О. А. Фокиной были и остаются темы родины, природы, сельской жизни, проблемы сохранения духовного богатства русского народа и возрождения умирающей русской деревни, ее поэзия зиждется на подлинно народном мировосприятии, она буквально пронизана фольклорными мотивами, предельно насыщена элементами живой – «родниковой» – народной речи.

Ведущим, концептуальным образом поэзии Ольги Фокиной является яркий, колоритный, неповторимый по своей красоте и глубине образ Русского Севера – родного и любимого для нее, коренной северянки, края. В своем творчестве поэтесса отражает специфику северной природы и культуры, передает особенности менталитета северян, поднимает проблемы сохранения народных традиций Севера.

Основным источником вдохновения Ольги Фокиной является ее малая родина – деревня Артемьевская Верхне-Тоемского района Архангельской области, в которой она до сих пор подолгу живет, в которой родилось и рождается большое количество ее неповторимых поэтических строк. Поэтесса убеждена: *Большая Родина без малой / Не то что слишком велика, / А как бы дом родной – без мамы, / Без дела – мамина рука, – / Непредставима, неконкретна, / Не столь заботлива, тепла...* («Большая Родина без